
**«ВНИМАНИЕ НА БОРЬБУ С ТАК НАЗЫВАЕМОМ ПРОГРЕССИВНЫМ
ДУХОВЕНСТВОМ...»:
СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1920-Е – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.
(по материалам Адыгеи, Кабардино-Балкарии
и Карачаево-Черкесии)**

З.Я. Емтыль

Кафедра истории и социальных коммуникаций
Кубанский государственный технологический университет
ул. Московская, 2-А, Краснодар, Россия, 350072

В статье рассматривается политика советской власти в отношении мусульманского духовенства Северного Кавказа в 20-е – начале 30-х гг. XX в. Выявляются ее особенности и динамика развития под влиянием менявшейся общественно-политической и социокультурной обстановки как в Советской государстве в целом, так и в национальных автономиях Северного Кавказа.

Ключевые слова: ислам, мулла, мусульманское духовенство, прогрессивное (новое) духовенство, консервативное (старое) духовенство, эфенди.

Мусульманское духовенство к моменту установления советской власти на Северном Кавказе являлась самой многочисленной, влиятельной и с точки зрения советской исторической науки наиболее консервативной группой интеллигенции (1). Политика большевиков в отношении данной группы характеризовалась большой осмотрительностью, осторожностью и существенным образом отличалась от политики в отношении православного духовенства и Православной Церкви в целом, сросшихся с государственной властью в Российской Империи. «В годы революции и гражданской войны большевики сумели победить, опираясь на всех недовольных прежними порядками. Это в полной мере относилось и к мусульманам: их многое не устраивало в Российской империи» (2). Именно поэтому отношение к исламу в начале 20-х гг. XX в. было достаточно толерантным.

Исходя из особенностей развития национальных окраин, сильного влияния религии и мусульманского духовенства на массы советской власти приходилось искать новые, более мягкие формы антирелигиозной пропаганды. Прямая установка к этому содержалась в резолюции XII съезда РКП(б) «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды», в которой указывалось: «Принимая во внимание, что 30-миллионное мусульманское население Союза Республик до сих пор почти в неприкосновенности сохранило

многочисленные связанные с религией средневековые предрассудки, используемые в контрреволюционных целях, необходимо выработать формы и методы ликвидации этих предрассудков, учитывая особенности различных национальностей» (3).

Хотя мусульманское духовенство и религиозные сообщества находились под бдительным контролем органов ГПУ, власти рекомендовали последним крайне осторожно осуществлять свою деятельность, чтобы не вызвать массовое недовольство населения. Так, в секретном письме отделам ГПУ в 1923 г. было рекомендовано «в порядке надзора за деятельностью религиозных обществ не производить вторжений в молитвенные дома во время собраний или совершения религиозных обрядов до окончания таких» (4).

Искать в лице мусульманского духовенства союзника большевиков заставило и специфическое отношение к нему горского населения. В силу исторических обстоятельств духовенство на Северном Кавказе воспринималось не только как религиозно-нравственная, интеллектуальная элита, но и как оплот сохранения национально-культурной самобытности и целостности. Мусульманские интеллектуалы выступали в роли «пробудителей» национального самосознания, народных сказителей, знатоков горского эпоса (5).

Отвернуть от себя горскую мусульманскую интеллигенцию для советской власти значило отвернуть от себя народные массы. Этот факт достаточно красноречиво подтверждается словами председателя Адыгейского облисполкома Ш.У. Хакурате, сказанными на первой областной партийной конференции в ноябре 1925 г.: «В 1921–1922 гг. мы не могли влиять на выборы в черкесских аулах и ориентировались исключительно на мулл и стариков и только через них строили Советскую власть в Адыгее (6). Именно поэтому на первых порах Адыгейский облисполком, не имея авторитета на местах, «решил действовать посредством прогрессивных эфендиев в области укрепления административных аппаратов власти» (7).

В результате Адыгейский облисполком выступил инициатором встречи с прогрессивными эфенди с тем, чтобы выяснить их отношение к вопросу развития образования среди адыгов. Среди участников встречи были видные деятели мусульманского просвещения Магомед Совмиз и Мишеуст Набоков. На совместной встрече была достигнута договоренность о созыве областного съезда мусульманского духовенства и верующих (8). Съезд прошел в ауле Хатукай в конце сентября 1922 г. Для руководства им советские власти направили председателя Псекупского окружного исполкома А. Чамокова. О заинтересованности местных властей в поддержке духовенства говорил и тот факт, что облисполком ряд эфенди и учителей на этот съезд вызвал повестками.

Съезд поддержал линию на укрепление советской власти на местах и искоренение агитации против нее. Стремясь привлечь средства верующих на

решение культурно-просветительских задач, облисполком добился принятия на съезде решения о направлении части средств от закята на культурно-просветительские нужды (9). Всего за период с сентября 1922 г. по декабрь 1925 г. было проведено четыре съезда мусульманского духовенства Адыгейской автономной области, подробная информация о которых передавалась в восточную секцию ГПУ Юго-Востока России.

Определенную роль в лояльности властей к местному духовенству в первые годы существования национальных автономий сыграл и тот факт, что среди образованных слоев северокавказского общества было абсолютное преобладание мусульманского духовенства и их ближайших родственников. Реализовать кадровую политику большевиков на Северном Кавказе, которая заключалась в коренизации управления и образования, без участия мусульманского духовенства не представлялось возможным. Именно поэтому большой процент управленцев и учителей советских образовательных учреждений разного уровня состоял из представителей мусульманского духовенства или их родственников. В частности, на первом совещании коммунистических и комсомольских ячеек Кабардино-Балкарской автономной области в июне 1922 г. докладчики говорили о том, что 80% комячеек имеют в своем составе мулл (10).

Проявлением лояльности советской власти к мусульманской интеллигенции стало предоставление права преподавания ислама на дому и в мечетях. При этом был введен запрет на преподавание в мечетях общеобразовательных предметов. Следить за соблюдением данного ограничения должны были НКВД и Наркомпрос.

Сохранилось влияние мусульманского духовенства и в правовой сфере. В северокавказских автономиях в порядке исключения продолжали функционировать шариатские и адатские суды, хотя их правовой статус так и не был определен.

Говоря о лояльности, проявленной советской властью к мусульманской интеллигенции и исламу в целом, следует отметить, что она носила исключительно характер временной, вынужденной меры. «...Большевики изначально видели в религии наиболее враждебную для себя силу. Религия, подобно коммунистической идеологии, претендовала на роль регулятора социальных отношений. В традиционном обществе она была авторитетным источником формирования ценностных ориентиров индивида, его поведения в обществе. Большевизм как идеология, как социокультурная система, претендовал на столь же абсолютную роль и уже в силу этого не мог терпеть могущественного конкурента... С таким конкурентом большевистская система шла на сотрудничество только в условиях смертельных вызовов для себя...» (11).

Хотя власть и вынуждена была проявлять лояльность в отношении мусульманского духовенства в начале 20-х гг., тем не менее, она с самого на-

чала осуществляла систематические мероприятия по отчуждению духовенства от народа, его изоляции от общественной жизни.

Новая власть всячески стремилась лишить духовенство традиционных занятий и тем самым лишить его основы влияния в обществе. Именно в этом направлении работали действия новой власти в области ограничения сферы шариатского судопроизводства, а в последующем и его полного запрета; введение запрета на преподавание в советской школе религии; передача заката Крестьянским Комитетам общественной взаимопомощи (ККОВ); лишение духовенства права регистрации рождений, брака и смерти. Осуществляемые властью шаги по ограничению сферы влияния мусульманского духовенства не завершались лишением его традиционных занятий. Советское государство пошло на ограничение гражданских прав духовенства.

Так, Конституция РСФСР и инструкции ВЦИКА лишали его избирательных прав как сословие, живущее на нетрудовые доходы.

Лишение духовенства избирательных прав вызвало недовольство не только в среде служителей мусульманского культа, но и в массе горского населения. В частности, на общих собраниях в аулах жители настаивали на восстановлении мулл в избирательных правах, на что представители власти отвечали, что «мулла должен сидеть в мечети и заботиться о процветании ислама» (12).

Говоря о политике советской власти в отношении мусульманского духовенства, следует отметить, что с начала XX в. оно было представлено «двумя группами, различно понимающими и толкующими учение Коран» – старым консервативным духовенством и новым прогрессивным. Новое прогрессивное духовенство развернуло активную деятельность по реформе ислама, направленной на упрощение обрядов, перевод проповедей на родной язык, введение в обучение светских дисциплин, распределение закята в общественных нуждах, изменение положения женщин. «Старое духовенство» имело основательную поддержку царского правительства России, своих султанов и князей... Эта борьба между старым и новым эфенди продолжалась до 1920 г. и всегда оканчивалась успехом для старого реакционного духовенства. В 1920 г. с приходом Советской власти на Северный Кавказ положение резко изменилось...» (13).

Хотя большевистская идеология и политика характеризовались ярко выраженной антирелигиозной направленностью, советская власть, как это уже было отмечено, не имея достаточного авторитета среди горцев, была вынуждена использовать духовенство в своих интересах. Ставка была сделана на прогрессивное мусульманское духовенство, которому была оказана поддержка в его борьбе со старым духовенством. Однако сотрудничество с прогрессистами советская власть использовала, в конечном счете, для ликвидации с общественной арены горцев обеих групп. Известный работник агитпрома пропотдела ЦК ВКП(б) И. Хансуваров так, в частности, сфор-

мулировал линию поведения советской власти в отношении мусульманского духовенства: «Если хочешь победить врага, надо заставить его драться между собой. Надо бить обоих, в тоже время заставить драться между собой. Надо вести прогрессивное духовенство против реакционного, вызывать между ними драку – это совершенно необходимо» (14). Таким образом, большевики не делали принципиальной разницы между старым и новым духовенством.

Стремясь уничтожить горское духовенство, власть на первых порах лишь опиралась на его прогрессивную часть с тем, чтобы усилить раскол в среде духовенства. Раскол как ориентация на определенную часть духовенства, поддержание состояния вражды между двумя группами мусульманского духовенства, недопущение организационного оформления ни реакционной, ни прогрессивной групп характеризовали политику новой власти (15). Неизменная же стратегия большевиков состояла в «ненависти к религии» и «стремлении уничтожить ее» (16).

Поворот в отношении к мусульманскому духовенству был связан с рядом факторов внутривластного характера. Во второй половине 20-х гг. происходит постепенное укрепление советских органов в северокавказских национальных автономиях. Укрепление режима личной власти И.В. Сталина привело к форсированному строительству социализма и как следствие к принципиальным изменениям в конфессиональной политике. Сворачивание новой экономической политики и курс на массовую коллективизацию не давали возможности горцам, лишенным собственности, финансово поддерживать исламские структуры.

Если до середины 1920-х гг. антирелигиозная борьба велась преимущественно с православием и его духовными лидерами, то с начала 1927 г. разворачивается борьба с исламом и исламским духовенством. Постепенно советская власть на Северном Кавказе переходит от политики веротерпимости к наступлению на ислам и притеснению исламских деятелей. Все громче начинают звучать призывы «отбросить нейтральную тактику в вопросах религии на Востоке» (17). Конфликт нового большевистского строя и религии был предопределен. Синтезировав культуру своих народов с достижениями исламской цивилизации, северокавказское духовенство «придерживалось ценностей, противоречащих коммунистической идеологии», а потому являлось «потенциальной духовной оппозицией правящему режиму» (18).

В 1927 г. в северокавказских автономиях создаются антирелигиозные комиссии при оргбюро ВКП(б) и общества безбожников (19). На антирелигиозные комиссии было возложено изучение положения в области религии в каждом округе и районе. К концу 1920-х гг. они собрали большой фактический материал о мусульманском духовенстве. Комиссии ставили целью собрать всех сторонников в борьбе против духовенства (20).

В июне 1927 г. Пленум национальной комиссии крайкома партии рассмотрел вопрос «О мерах борьбы с влиянием мусульманского духовенства на трудящиеся массы горских народностей». В резолюции пленума говорилось, что массовая антирелигиозная работа должна строиться с использованием «фактов активной борьбы духовенства в прошлом против трудящихся на стороне царя и помещиков, фактов защиты мечетью интересов кулачества в настоящее время, фактов повседневной эксплуатации и закрепощения духовенством масс» (21).

К концу 1920-х гг. антирелигиозная риторика усиливается. Особо отмечается, что во что бы то ни стало необходимо добиться, чтобы «религиозные элементы не встречали поддержки среди партийных товарищей и в советских учреждениях в своей религиозной деятельности... Во многих нацрайонах надо вести усиленную антирелигиозную разъяснительную работу и внутри партии и внутри комсомола. Должно стать ясно для каждого, что на двенадцатом году революции совершенно немыслимо пребывание в рядах партии с исповеданием религиозных убеждений, а этого еще нет. Этот момент надо будет учесть и при предстоящей чистке партии» (22).

В результате от политики толерантного отношения к прогрессивному мусульманскому духовенству советские власти начинают наступление на религиозных деятелей по всему фронту. Отмечается, что в антирелигиозной работе следует обратить особое «внимание на борьбу с так называемым прогрессивным духовенством Востока, которое выступает почти как «советское», допускает женщин в мечети и вообще пытается приспособиться к левым настроениям масс. Надо их всячески разоблачить, что религиозный дурман, в какой бы форме он ни проявлялся, одинаково вреден и несовместим с идеологией пролетариата и советской власти». Теперь уже власть открыто приравнивала прогрессивное духовенство к консервативному, указав, что его дела «мало чем отличаются от черных дел собратьев, выступающих без фигурных прикрытий» (23).

Особую заботу властей с самого начала вызывала возможность влияния духовенства на горскую среду через систему мусульманских школ.

Если в начале 1920-х гг. для горских автономий было сделано исключение в виде возможности обучения горской молодежи в мечетях и на дому, то теперь власти взяли курс на изгнание духовенства из сферы образования, окончательное избавление от существовавших легально и нелегально религиозных школ, «калечащих мозги молодого поколения восточников». Каждый такой ученик, по мнению большевиков, являлся «помехой» в социалистическом и культурном строительстве. «Школы должны были быть орудием социалистического перевоспитания, а это требует от них, чтобы они поставили у себя не только безрелигиозное воспитание, но и активное антирелигиозное...» (24).

С начала 1930-х гг. советская власть открыто разворачивает гонения на мусульманское духовенство. Закрываются мечети, медресе, школы арабского языка, производятся массовые аресты мулл и эфендиев.

Анализ политики советской власти в отношении мусульманского духовенства Северного Кавказа позволяет говорить о том, что она носила дифференцированный характер и претерпевала изменения под влиянием меняющейся общественно-политической и социокультурной обстановки как в Советском государстве в целом, так и в самих национальных автономиях Северного Кавказа. От толерантного отношения к мусульманскому духовенству в первые послереволюционные годы, обусловленного отсутствием достаточного авторитета среди горцев, советская власть во второй половине 20-х гг. переходит к политике его вытеснения из всех сфер общественной жизни.

Конфликт новой власти и мусульманского духовенства был неизбежен и обуславливался рядом обстоятельств. Высокий общественный статус и исповедуемые духовенством исламские ценности входили в противоречие с официальной политической доктриной и представляли собой мощный дестабилизирующий фактор для советского строя и его официальной идеологии. Не менее важное значение имело стремление власти денационализировать и интернационализировать все сферы общественной и духовной жизни народов, населявших советское государство. Мусульманское духовенство Северного Кавказа, функции которого состояли в аккумулировании, хранении знаний и культуры народа, создании ценностно-ориентированной основы его общественной деятельности, неминуемо выступало в роли духовной оппозиции унификаторской политике советской власти. Вытесняя мусульманское духовенство из всех сфер общественной жизни, новая власть стремилась ликвидировать саму возможность генерирования альтернативных официальной идеологии и партийным установкам идей и взглядов на преобразование жизни народов Северного Кавказа.

Следует отметить разнообразие и продуманность средств, использованных советской властью в целях отчуждения духовенства от жизни горского социума. Наряду с подрывом экономической основы существования духовенства и мерами ограничительного характера власть эффективно использовала идейные разногласия в среде духовенства. Она не допустила организационного оформления духовенства, умело поддерживая и нагнетая состояние вражды между его прогрессивным и консервативным крылом.

Действия советской власти уже в 20-е гг. привели к резкому сужению функционального поля мусульманского духовенства Северного Кавказа, нарушению процесса его самовоспроизводства. Отчуждение духовенства как носителя исламских и национальных традиций от общественной жизни сыграло важную роль в коренной трансформации всей совокупности связей и структур культуры народов Северного Кавказа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Каймаразов Г.Ш.* Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. – М., 1988. – С. 40.
- (2) *Мамсиров Х.Б.* Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. – Нальчик, 2004. – С. 146.
- (3) КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1954. – Ч. 1. – С. 174.
- (4) ГУНАРА. – Ф. Р-8. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 3.
- (5) *Мамсиров Х.Б.* Модернизация культур... – С. 151.
- (6) Революция и горец. – 1929. – № 4 (6). – С. 67.
- (7) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 84. – Д. 537. – Л. 3.
- (8) Там же. – Л. 2.
- (9) Там же. – Л. 3, 4.
- (10) ЦДНИ КБР. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 2, 3.
- (11) *Мамсиров Х.Б.* Модернизация культур... – С. 194.
- (12) ГУНАРА. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 81. – Л. 16, 16 об.
- (13) Национальная библиотека Республики Адыгея. – Д. 2001. – Л. 4.
- (14) РГАСПИ. – Ф. 62. – Оп. 2. – Д. 1145. – Л. 33.
- (15) *Нефляшева Н.А.* Традиции и власть (на материалах Адыгеи конца XIX – 20-х гг. XX в.): Дисс. ... к.и.н. – Майкоп, 1996. – С. 101, 103.
- (16) *Диманштейн С.* Антирелигиозная работа на Востоке // Революция и культура. – 1929. – № 9–10. – С. 69.
- (17) Там же.
- (18) *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. – Нальчик, 1999. – С. 57.
- (19) *Нефляшева Н.А.* Традиции и власть... – С. 119.
- (20) Вопросы просвещения на Северном Кавказе. – 1927. – № 5. – С. 88.
- (21) *Напсо Д.А.* Под знаменем интернационализма // Деятельность партийных организаций Северного Кавказа по интернациональному воспитанию трудящихся в годы социалистического строительства. 1917–1933 гг. – Минеральные Воды, 1967. – С. 160.
- (22) *Диманштейн С.* Антирелигиозная работа... – С. 68.
- (23) Там же. – С. 69.
- (24) Там же. – С. 68.

**SOVIET RULE AND MUSLIM CLERGY
OF THE NORTHERN CAUCASUS IN 20s –
EARLY 30s OF THE 20th CENTURY
(according to the materials of Adygeya, Kabardino-Balkaria
and Karachai-Cherkessia)**

Z.I. Emtyl

Kuban State Technological University
Moskovskaya Str., 2A, Krasnodar, Russia, 350072

The politics of Soviet rule in respect with Muslim clergy of the Northern Caucasus in 20s – beginning of 30s of the 20th century is examined in this article. Its peculiarities and dynamics of development are revealed under the influence of changing social and political, as well as cultural situations both in Soviet State on the whole and in national autonomies of the Northern Caucasus.

Key words: islam, mullah, Muslim clergy, progressive (nev) clergy, conservative (old) clergy, effendi.